

М.Ю. ВАХТИНА
M.IU. VAKHTINA

**ИЗ ИСТОРИИ РАСКОПОК КУРГАНА НА ТЕМИР-ГОРЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ НАУЧНОГО АРХИВА ИИМК РАН)¹**
**FROM THE HISTORY OF EXCAVATION OF THE MOUND ON TEMIR-GORA
(BASED ON THE MATERIALS OF THE SCIENTIFIC ARCHIVE OF IIMK RAS)**

Скифский курган на Темир-Горе в Восточном Крыму (рис. 1) был исследован в 1869-1870 гг. П.И. Хицуновым и А.Е. Люценко [ОАК за 1869 г., с. XII-XIII; ОАК за 1870-71 гг., с. XX-XXIII].

Насыпь кургана была сооружена в эпоху архаики над его основным погребением. В последующие периоды он продолжал использоваться для захоронений, что указывает на высокое «сакральное» значение этого памятника в сознании древних обитателей региона [Виноградов, 2001, с. 87]. Несмотря на то, что курган на Темир-Горе и отдельные вещи, найденные в процессе раскопок, хорошо известны специалистам, история изучения памятника и комплексы погребений, на наш взгляд, все еще нуждаются в подробных специальных исследованиях. Исследователи, обращающиеся к материалам кургана, опираются на статью Э.В. Яковенко, в которой был предпринят полный анализ полевой документации и предложены реконструкции и датировки захоронений, открытых в кургане, вышедшую около полувека назад [Яковенко, 1972, с. 259–267]. Позже Т.М. Кузнецова предложила свою интерпретацию «могильника на Темир-Горе» [Кузнецова, 2002, с. 85–89, рис. 1].

В работе Э.В. Яковенко впервые были наиболее полно учтены данные о раскопках кургана, содержащиеся в документах научного архива ИИМК РАН. Исследовательница отметила, что «раскопки проводились со значительными перерывами» [Яковенко, 1972, с. 259], в чем, впрочем, не было ничего необычного. Таким же образом, в несколько приемов, был исследован целый ряд грандиозных курганов Северного Причерноморья, в числе которых – Большая и Малая Близницы, курган на Васюринской горе и многие другие. Однако курган на Темир-Горе, значительный по величине, все же уступал насыпям аристократических курганов Боспора IV в. до н.э. Причины, из-за которых этот курган копался двумя исследователями и в течение двух сезонов, сводились (как это обычно бывает) к целому ряду конкретных обстоятельств. Они отражены в материалах научного архива ИИМК РАН, к которым мы и обратились.

П.И. Хицунов и события, предшествующие раскопкам кургана. Личность и биография одного из исследователей Темир-Горы, директора Керченского музея древностей А.Е. Люценко, заслуженно привлекает внимание исследователей

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 15-31-10151.

себя И.С. Бескровный, имевший, как и П.И. Хицунов, чин надворного советника [Тункина, 2011, с. 182].

«Краткие сведения», изложенные в «Записке о надворном Советнике Петре Ивановиче Хицунове», также сохранились в архивном деле. Приведем почти полностью текст этой, как мы сказали бы теперь, краткой автобиографии². Из нее следует, что П.И. Хицунов получил образование «... в Главном Педагогическом Институте по филолого-историческому факультету в 1839 г., где кроме греко-римской словесности слушал лекции о древностях классических у профессоров Грефе и Гримма и проч. факультетские предметы. Поступив затем на службу в Кавказскую Областную Гимназию старшим учителем (и библиотекарем гимназии) по Русской словесности, состоял вообще в Кавказском и Закавказском крае на службе до половины 1850 года в должностях инспектора Инспектора Гимназии, директора Училищ в Кавказской обл. и Черномории и инспектора классов Закавказского Института Благородных девиц. В продолжение своей службы всегда заслуживал отличные отзывы начальства, но по случаю сильного расстройства здоровья должен был оставить оную, прослужа беспорочно по учебному ведомству около 12-ти лет, да прежде в общегражданской службе более 8-ми лет; удостоин получить полную пенсию по учреждениям Государыни Императрицы. Кроме прямых своих обязанностей по службе, Начальству угодно было мне давать разные другие порученности – разбор старинных архивов на Кавказе, редакцию Кавказского календаря, редакцию и сотрудничество газет «Кавказа», «Закавказского Вестника» и разработку данных по Истории, Статистике, Географии и Этнографии края, описание городов, Заведование делами Статистического Комитета и т.д. В разных периодических изданиях по означенным частям напечатано довольно моих статей, начиная с 1839 года. И последнее время не оставляю продолжать моих слабых трудов по литературе, сообщая свои описания из путешествий, совершенных мною по разным странам. Обязанным считаю присовокупить, что после поправления здоровья я выслушал курс Медицинских и естественных наук в Медико-Хирургической Академии в С.Петербурге, с половины 1851 до половины 1857 года. Для усиления средств к содержанию себя и совершению путешествий, кроме занятий в периодич. изданиях, время от времени продолжал частно заниматься педагогией, как в С.Петербурге, так и в провинциях, между прочим заведовал Благотворительным Пансионом при Варшавской Русской гимназии и преподаванием учебных предметов в Ставропольской и Черноморской Гимназиях. Петр Хицунов» (1868 г., д. 41, л. 11).

А.Е. Люценко откликнулся на просьбу П.И. Хицунова и рекомендовал его Археологической комиссии. В 1868-69 гг. директор Керченского музея занимался раскопками в Керчи и на Тамани (1868 г., д. 41, л. 58–67). Много сил и времени весною 1868 г., очевидно, отнимала у него и конфликтная ситуация с Керчь-Еникальским градоначальником вице-адмиралом А.А. Спицыным – первым требовавшим прекра-

² Авторская орфография и пунктуация сохранена.

Вахтина М.Ю. Из истории раскопок кургана ...

щения раскопок на г. Митридат. Документы, направленные градоначальником в комиссию, и ответные пояснительные записки А.Е. Люценко, повествующие об этой достаточно длительной и, по-видимому, неприятной «тяжбе», также хранятся в деле (1868 г., д. 41, л. 15-17; Виноградов, 2009, с. 298–301). В этот период времени директор Керченского музея неоднократно обращался в Комиссию с просьбой об увольнении по состоянию здоровья, которое неуклонно ухудшалось (1868, д. 41, л. 13; Лазенкова, 2003, с. 26-27).

Благодаря хлопотам председателя Археологической комиссии графа С.Г. Строганова А.Е. Люценко был предоставлен четырехмесячный отпуск. В письме от 15 апреля 1869 г. (1869 г., д. 7, л. 12) А.Е. Люценко благодарит его за хлопоты, сообщает, что готовится к отъезду и ждет приезда В.Г. Тизенгаузена «для временной передачи ему Музея, что конечно же, было бы удобнее сдачи его больному моему помощнику Ф. Гроссу». В том же письме он упоминает и о П.И. Хицунове, к этому времени, очевидно, активно помогавшем ему в работе. «Относительно П. Хицунова, имею честь доложить, что уверенный заранее в благосклонности Вашего Сиятельства на мое о нем представление от 7-го февраля, я допустил его к участию в раскопках, которые пока мы производим с ним совокупно, с помощью буровых скважин, в боковых частях полуразрытых курганов, лежащих поблизости от Керчи между селениями: Глинище и Катерлес, причем в случае болезни или дурной погоды, препятствующих мне приезжать на работы, он согласился бескорыстно заменять меня, наблюдая за правильным их производством, при содействии опытных надсмотрщиков Музея. Результатом этих раскопок, начатых 10-го марта, было открытие в упомянутых курганах 4-х черепичных и 2-х каменных уцелевших гробниц, из которых в одной – каменной, с прахом сожженного на костре покойника, отыскано не менее 45 золотых, поврежденных огнем золотых вещей довольно изящной работы...

Приготовляясь в дорогу, я привожу Музей в более систематический порядок... [...] Что же касается до г. Хицунова, то, присмотревшись к механическим приемам моих раскопок, он теперь изучает местность и старается выбрать несколько курганов, наименее тронутых прежними искателями, чтобы при благоприятной погоде приступить самому к разысканиям, получив от меня для этого некоторую сумму, согласно разрешению Вашего сиятельства... Вообще, усердие, добросовестность и научные познания этого деятеля не позволяют сомневаться в пользе, которую он может принести своими трудами археологии» (л. 12-13).

Дождавшись приезда В.Г. Тизенгаузена и передав ему 12 июня 1869 г. руководство музеем, А.Е. Люценко 22 июня уехал за границу. Отъезд пришлось немного отложить и «из-за перемещения на другую квартиру» (л. 15). Сначала А.Е. Люценко отправился в Вену, а оттуда, после консультации с врачами, – на минеральные воды в Карлсбад.

В его отсутствие должность заведующего музеем вскоре, вероятно, вследствие занятости В.Г. Тизенгаузена раскопками на Тамани (1869 г., д. 4, л. 14), временно перешла к Ф.И. Гроссу. Между тем П.И. Хицунов начал свои, по-видимому, первые

самостоятельные археологические изыскания на Тамани и в Керчи. На Тамани он занимался раскопками Острого кургана, «лежавшего близ Лысой горы» (л. 19-20), а вскоре после этого приступил к исследованиям кургана на Темир-Горе.

О раскопках кургана на Темир-Горе

Э.В. Яковенко писала о том, что слабая изученность основного погребения кургана объясняется не только «малочисленностью данных об обстоятельствах раскопок, но и крайне сжатой, а зачастую и путаной публикацией отчетов П.И. Хицунова и А.Е. Люценко» [Яковенко, 1972, с. 259]. Однако в научном архиве ИИМК РАН хранятся достаточно подробные «Журналы археологических разысканий» обоих исследователей, позволяющие судить о различных этапах работы на Темир-Горе. Архивные документы содержат подробные описания открываемых комплексов и отдельных вещей, описи находок, в том числе находок, переданных в Археологическую комиссию, описи сделанных фотографий и иллюстраций [ф. 1, 1869, д. 4; 1870, д. 23]. По этим материалам можно судить и об общем уровне (и методике) проведенных раскопок – достаточно высоком и хорошо документированном для своего времени. Исследователи постоянно отмечали размеры, расположение и ориентировку раскопов. А.Е. Люценко, подводя итоги проделанных работ, писал: «Сделано с разных сторон, в насыпи означенного кургана, [...] несколько раскопов, обнаруживших почти всю внутренность того кургана, между оградной его стеною и центром» [1870, д. 23, л. 29 об.]. Судя по описанию и рисунку Ф.И. Гросса (рис. 2), насыпь кургана была пересечена несколькими траншеями, а вершина разобрана. Следы старых работ отчетливо видны и в наши дни (рис. 3).

П.И. Хицунов начал раскопки 1 сентября 1869 г. и завершил их 7 октября этого года. Его «Журнал археологических разысканий» [л. 24–30] по стилю и оформлению (рис. 4) очень близок «Журналам» А.Е. Люценко, которые, очевидно, были взяты за образец. Описание раскопок на Темир-Горе [1869 г., д. 23, л. 27-29] предваряет образное и одновременно точное описание расположения кургана. «Так называемая Темир-Гора, в 4,5 – 5,5 верстах (4.8 – 5.9 км – М.В.), на северо-востоке от Керчи и 4-х (4.3 км) на севере от Еникале. Она состоит в скалистой цепи холмов, которые тянутся полукругом с запада на восток по северной окраине Керченского полуострова, ограничивая с той стороны г. Керчь и оканчиваясь скалами у Азовского моря³. На природных возвышениях этой цепи насыпаны курганы, начиная с известного огромного кургана Кара-Оба». У подошвы кургана находился «виноградный сад» Г. Калафати, а несколько ниже – сад Г. Кумича «с древнейшим и замечательнейшим по форме колодезцем пресной воды». «[...] Темир-Гора, со стоящим на вершине ее курганом, значительно выдается своей огромностью из рядовых окружающих ее

³ Как правило, «значимость» и «сакральность» места, открывающийся оттуда «широкий обзор» производили впечатление на всех, кому удалось посетить курган. Вот как гораздо позже писал об этом В.Ф. Гайдукевич: «С вершины горы открывается широкая панорама: виден Керченский пролив и противоположный берег Таманского полуострова, Азовское море, на юго-западе в излучине Керченской бухты отчетливо видна Керчь» [Гайдукевич, 1941, с. 45].

Вахтина М.Ю. Из истории раскопок кургана ...

скалистых возвышенностей. [...] По предварительному осмотру и приблизительно-му барометрическому измерению высоты этой местности, считая от морского берега Керчи более 37 саж. (приблизительно 79 м – *М.В.*), от подошвы же своей до вершины кургана более 22 саж. (50 м); сам курган вышиною около 4 саж. (8.5 м), а в окружности у подошвы до 42 саж. (90 м); вершина его, по видимой впадине, кажется давно снята, и разрушены раскопами в разных местах западная и восточная стороны у подошвы кургана; южная, покатая сторона кургана сохранилась неприкосновенною».

П.И. Хицунов начал раскопки в юго-западной части кургана, недалеко от его подошвы, где исследовал «южное пепелище», «в предположении открыть здесь фундаменты древних зданий или мраморы с надписями». С этой целью им было сделано два разреза на расстоянии 15 сажени (примерно 32 м) друг от друга, глубиной до материка. Один из них имел 3 сажени в длину, 2 сажени в ширину, $\frac{3}{4}$ сажени в глубину (соответственно 6.41 x 4.27 x 1.6 м), второй – 9 сажени в длину, 1,5 в ширину и $\frac{7}{9}$ в глубину (19.2 x 3. 20 x 1.66 м). Здесь были обнаружены обломки «грубых статуэток», клеймо с надписью ΑΣΤΙΝΟΜ... ΕΛΚΙΝΙΩΥ... ΤΟΥ... ΤΑΙ..., «в конце надписи рельефный бюст какого-то лица» (л. 28), а также монета с изображением лука, стрелы и надписью ΠΑΝ. П.И. Хицунов полагал, что здесь существовало поселение. Вскоре был обнаружен «жженный точок» (остатки трупосожжения), где 18 сентября были найдены первые золотые украшения (л. 28-29). В конце «Журнала» П.И. Хицунов писал, что должен был отлучиться, «тогда как прибывший из-за границы А.Е. Люценко изъявлял желание продолжить мой раскоп и доследовать под насыпью точек, который я предполагал закончить раскрытием по своем возвращении, то я и согласился на это, передав г. исполнявшему тогда обязанности Директора Ф.И. Гроссу оставшуюся тогда у меня на руках небольшую сумму от аванса, с выражением своего согласия на продолжение в отсутствие мое означенного раскопа» (л. 30). Прервав раскопки, П.И. Хицунов уехал в Таганрог, где он тогда проживал и где 29 ноября 1869 г. и завершил свой «Журнал». К раскопкам кургана на Темир-Горе он более не вернулся.

Мы можем сейчас только гадать, что побудило П.И. Хицунова покинуть раскопки Темир-Горы в столь интересный и ответственный момент – не завершив исследования «точка», из которого извлекались золотые вещи. Неясно, были ли это неотложные семейные дела или же иные обстоятельства. Вскоре он был направлен Археологической комиссией на Нижний Дон, где в 1870-1871 гг. провел раскопки городища Танаис и одного кургана из группы «Пять Братьев» [ОАК за 1870-1871 гг., с. XXIII-XXIV; Шелов, 1967, с. 29-30]. Возможно, увлечение исследованиями древностей Подонья не способствовало дальнейшему участию П.И. Хицунова в раскопках Керченского музея.

Что же касается раскопок кургана на Темир-Горе, то они были успешно продолжены и завершены директором музея. А.Е. Люценко вернулся в Керчь в конце сентября 1869 г., за месяц до окончания своего четырехмесячного отпуска. Не вступая официально в должность, он принимал «некоторое участие в трудах помощника мо-

его Гросса и П. Хицунова, чему особенно благоприятствовала прекрасная погода».⁴ В своем отчете за 1869 г. А.Е. Люценко писал также, что «... по случаю кратковременной отлучки в Таганрог г. Хицунова, мне довелось окончательно расследовать замечательную жженую гробницу, открытую им в кургане, находящемся на Темир-Горе» (1869 г., д. 7, л. 17). Здесь «... в дополнение к найденным в упомянутой гробнице г. Хицуновым золотым вещицам – было открытие в ней по одной паре массивных бронзовых запястий, обложенных листовым золотом и украшенных по концам золотыми львиными головами весьма изящной отделки, двух золотых перстней с перегоревшими камнями, на которых была заметна весьма интересная резьба и проч. Впрочем, все эти вещи сильно повреждены огнем» (л. 18).

А.Е. Люценко составил «Примечания к журналу археологических разысканий» П.И. Хицунова. Эти «примечания» содержат 7 пунктов (1869 г., д. 4, л. 34-35). А.Е. Люценко выразил сожаление по поводу прекращения П.И.Хицуновым исследований на Тамани. «Очень жаль, что г. Хицунов, найдя в этой местности две каменные гробницы, с одними костями скелетов, без вещей, прекратил дальнейшие... расследования». Большинство же замечаний касались раскопок кургана на Темир-Горе. Так, стены, обнаруженные в основании насыпи кургана, А.Е. Люценко определил как «каменную ограду», т.е. крепиду. По этому поводу он писал: «Стены эти, обнаруживаемые в основании курганов под насыпью их, на расстоянии 2 или 3 сажень от окружности подошвы, известны под названием не завалов, а круглых, каменных оград. Не позволяя курганной насыпи оседать и скатываться вниз, они состоят обыкновенно из двух, трех или четырех рядов больших тесаных плит известкового камня, лежащих один на другом отвесно; в некоторых же курганах, как, например, в Царском, имеют форму треугольного вала, сложенного из обломков плит, дикарных камней и мелкого щебня». В последнем, седьмом пункте, А.Е. Люценко коснулся обстоятельств своего вовлечения в процесс раскопок кургана на Темир-Горе. «Я изъявил не желание продолжать этот раскоп и доследовать открытый в нем жженный точок, а опасение, чтобы обнаруженная уже часть жженой гробницы не подверглась расхищению во время отсутствия г. Хицунова, и потому вынужден был вызваться окончить расследование, остановленное поездкой его в Таганрог».

В целом директор Керченского музея древностей благожелательно отнесся к деятельности П.И. Хицунова и высоко оценивал ее результаты. «За исключением этих маловажных неясностей, – писал А.Е. Люценко, – журнал г. Хицунова составлен довольно отчетливо. Что же касается до самих раскопок его, то из подробного описания их видно, что они произведены добросовестно и с достаточным пониманием дела» (1869 г., д. 4, л. 35).

Курган на Темир-Горе был доследован в следующем, 1870 г. Результаты раскопок отражены в «Журнале археологических разысканий» А.Е. Люценко [1870 г.,

⁴ Согласно донесению А.Е. Люценко в Комиссию, «разыскания директора Музея в окрестностях Керчи» велись с 8-го октября 1869 г. по 1 января 1870 г. (1869 г., д. 7, л. 21–23).

мени, и семи впускных, более поздних), открытых в кургане. Как мы неоднократно упоминали выше, первая реконструкция кургана на Темир-Горе, как погребального комплекса, принадлежала Э.В. Яковенко [Яковенко, 1972, с. 260–266]. Позже свою интерпретацию памятника, реконструкции и датировки обнаруженных захоронений предложила Т.М. Кузнецова [Кузнецова, 2002, с. 81–89, рис. 1].

Понимая, что подробный анализ комплексов Темир-Горы, равно как и оценка кургана как огромного погребального памятника, требует специального исследования, все же выскажем здесь некоторые соображения по поводу открытых здесь захоронений и отдельных вещей.

О погребальных комплексах Темир-Горы

Погребениям, открытым в кургане, А. Е. Люценко дал «сплошную» нумерацию; исследователь присвоил последовательные номера всем захоронениям, открытым им в течение полевых сезонов 1869–70 гг. Порядковые номера комплексов Темир-Горы в полевой документации следуют за номерами погребений, открытых «у татарского кладбища с правой стороны от феодосийской дороги» [1870, д. 23, л. 25]. Кратко рассмотрим эти объекты.

Основное погребение. Особый интерес исследователей, как правило, привлекает основное погребение кургана № 81, принадлежащее к архаическому времени. Внимание к центральному захоронению вполне объяснимо – этот комплекс чрезвычайно важен для изучения «ключевых» проблем региона; в их числе – облик и составляющие элементы раннескифской культуры, а также вопросы, связанные с первыми греко-варварскими взаимодействиями в Северном Причерноморье. Захоронение было совершено в округлой в плане яме, «вырубленной в скалистом основании упомянутого кургана, близ центра его» [1870, д. 23, л. 32]. Погребенный лежал на спине в вытянутом положении, головой на запад. У ног его были найдены обломки греческого сосуда, у левой руки лежали 6 костяных полых трубочек, 8 костяных грибовидных «гвоздиков», бронзовая, обернутая золотым листом колчанная застежка, подтреугольная костяная бляшка в виде свернувшегося кошачьего хищника («пантеры») и костяная головка длинноклювой хищной птицы или грифона (рис. 5).

Обломки греческого сосуда, найденные в погребении, принадлежали греческой ойнохое, украшенной фризами с росписью в ориентализирующем стиле (рис. 5, 1), изготовленной в Южной Ионии, вероятнее всего, в Милете [Копейкина, 1972, с. 156; Cook, Dupont, 1998, р. 36, 38; Kerschner, Schlotzhauer, 2005, р. 20]. Впервые сосуд был подробно опубликован Б.В. Фармаковским [Фармаковский, 1914, с. 5–6, табл. VIII–IX]. А.Е. Люценко по достоинству оценил эту находку, описав ее как «глиняных кувшин с замечательным рисунком в архаическом стиле» и отметив в описи, что «кувшин этот, которого все черепки собраны, может быть вполне реставрирован» [1870, д. 23, л. 22; 44]. Расписную ойнохою из Темир-Горы, относящуюся к шедеврам греческой вазописи, датируют в пределах 640–630 гг. до н.э. (Копейкина, 1972, с. 56; Cook, Dupont, 1998, р. 36, 38, fig. 8.5) или же, согласно хронологической системе М. Кершнера и У. Шлотцауэра, относят к фазе SiAb (650–630 гг. до н.э.) (Kerschner,

Вахтина М.Ю. Из истории раскопок кургана ...

Schlotzhauer, 2005, p. 20, fig. 12). Дата самого погребения, вероятно, близка дате сосуда. Таким образом, основное погребение в кургане на Темир-Горе принадлежит к древнейшему «пласту» надежно датированных скифских погребений Восточной Европы. Несомненно, это захоронение принадлежало воину-аристократу [Яковенко, 1972, с. 265], на что указывает и факт возведения над его могилой насыпи, достаточно высокой для архаического времени. Иную, более сложную интерпретацию основного захоронения кургана предложила Т.М. Кузнецова⁵. Согласно ее системе взглядов, «скальная гробница на Темир-Горе была, видимо, предназначена для грека, умершего в ранний период ознакомления с Северным Причерноморьем, возможно, во время разведывательной экспедиции, связанной с обследованием районов предстоящего заселения», а позже была переиспользована для захоронения скифа; расписная ойнохоя либо входила в состав первоначального, греческого погребения, либо же «была связана со скифом, сохранившим ее как «память» о пребывании в Малой Азии» [Кузнецова, 2002, с. 85-86].

Комплекс скифских элементов погребального инвентаря из центрального погребения достаточно подробно был проанализирован Э.В. Яковенко [Яковенко, 1972, с. 261–265]. Исследовательница полагала, что костяные полые трубочки (рис. 5, 2) являлись частями составных древков архаических стрел [Яковенко, 1972, с. 262–264]. Прямые аналогии этим предметам в Северном Причерноморье неизвестны. Костяные «гвоздики» (рис. 5, 3-6) исследователи относят к застегкам-скрепкам или же к элементам декора архаических колчанов, достаточно широко распространенным в скифской архаической культуре [Яковенко, 1972, с. 262; Черненко, 1981, с. 33–36, рис. 20, 21]. Комплексы, из которых происходят подобные находки, в тех случаях, когда они поддаются датировке, не выходят за пределы VI в. до н.э. Металлические колчаные застегки, фланкированные золотом, встречаются реже, но также известны в архаическое время. Среди аналогий застегке из Темир-Горы (рис. 5, 7) – находки из таких «царских» комплексов, как Литой и Келермесские курганы [Черненко, 1981, с. 37, рис. 22; Вахтина, 1991, с. 6; Ромашко, Скорый, Филимонов, 2014, с. 113–114, рис. 5, 2–8]. Неизменный интерес исследователей вызывают художественные изделия в «зверином стиле», выполненные из кости – «пантера» (рис. 5, 8) и головка длинноклювой хищной птицы или грифона (рис. 5, 9), выполненная в круглой скульптуре и украшенная дополнительными изображениями [Яковенко, 1976б, с. 128-129; 1976б; Черненко, 1981, с. 14, 43; Савинов, 2012, с. 14]. Обычно их считают украшениями скифского колчана или горита. Высказывалось и предположение о том, что головка грифона могла служить украшением конца парадного лука [Черненко, 1981, с. 14]. Недавно Н.Ю. Смирновым была предложена другая интерпретация:

⁵ Т.М. Кузнецова предложила новую, интересную и оригинальную интерпретацию захоронений в кургане на Темир-Горе и всего комплекса в целом. К сожалению, в рамках данной статьи мы не можем подробно остановиться на выводах, к которым пришла исследовательница. Однако планируем сделать это в будущем, если удастся осуществить полную публикацию материалов – архивных и археологических, связанных с этим важнейшим памятником.

оба изделия были отнесены им к элементам декора навершия и рукояти боевой плети [Смирнов, 2015, с. 54]. Круг немногочисленных аналогий «грифону», известных ранее, сравнительно недавно был дополнен находкой из комплекса кургана 13 могильника Новозаведенное, где было обнаружено костяное налучье, по стилю чрезвычайно близкое головке грифона из Темир-Горы [Петренко, Маслов, Канторович, 2000, рис. 5, 1; 2009, рис. 10, 4].

Картографирование аналогий находок скифского вещевого комплекса показывает, что большая их часть сосредоточена западнее – на территориях степного и лесостепного течений Днепра, также они зафиксированы в Приазовье и Предкавказье [Вахтина, 1991, с. 7, рис. 3]. Художественные аналогии костяной бляшке в виде свернувшейся «пантеры» можно отметить на чрезвычайно обширной территории, вплоть до Минусинской котловины в Сибири [Кисилев, 1949, табл. XX, 8, 10]. Отмечена стилистическая близость «пантеры» из Темир-Горы ряду изображений свернувшегося хищника из Майэмира, Уйгарака, Зивие и Келермеса [Смирнов, 2015, с. 51]. Добавим к этому кругу аналогий и стилизованные изображения пантер на блюде, изготовленном из рога, происходящем из комплекса погребения кургана 13 могильника Новозаведенное, упоминавшегося выше [Петренко, Маслов, Канторович, 2009, рис. 10, 1]. В целом облик вещевого комплекса основного погребения кургана отражает «широкий спектр культурных взаимодействий», характерный и для предшествующей фазы скифской культуры РСК-I [Рябкова, 2015, с. 94 сл.].

Круг аналогий, связывающий этот памятник с регионом к западу от Керченского пролива, его расположение близ традиционной переправы, ведущей из Северного Причерноморья в Предкавказье, позволяет предположить, что курган был возведен над погребением «мигранта» – знатного скифа, похороненного у важного рубежа степного пути. На этот путь хорошо ложатся и некоторые другие комплексы архаического времени, чрезвычайно важные для понимания характера ранних греко-варварских взаимодействий на территории Северного Причерноморья [Вахтина, 2016б, с. 14–17]. До сих пор представляется вполне логичным предположение о том, что курган на Темир-Горе был возведен над захоронением, совершенным на одном из важнейших традиционных «путей» походов и сезонных миграций кочевых скифов (какой-то части кочевой орды, возможно, «скифов-царских») из Приднепровья в Прикубанье, который можно реконструировать на основании анализа данных античных письменных источников [Вахтина, Виноградов, Рогов, 1980; Виноградов, 2005, 213–220]. С путем скифских миграций через пролив связывает скифское захоронение в кургане и Т.М. Кузнецова, полагая, однако, что более ранняя греческая гробница кургана была использована для более позднего погребения во время продвижения скифов «после мидийского погрома через Кавказ и степь Северного Причерноморья на запад, происходившего в нестабильной обстановке» [Кузнецова, 2002, с. 88].

Погребения по обряду кремации. Чрезвычайно интересными и важными для понимания истории региона в V – начале IV вв. до н.э. являются остатки трупосожжений № 82 и 83, выявленных в процессе раскопок кургана в 1869 г. раскопками

Вахтина М.Ю. Из истории раскопок кургана ...

П.И. Хицунова и доследованных А.Е. Люценко⁶. Остатки первой кремации были обнаружены П.И. Хицуновым при расчистке сложенной из камней крепиды кургана. «Возле этой стены (т.е. кладки крепиды – *М.В.*), на материке, оказался жженный точек. При разборе его найдены в нем попорченные огнем и ржавчиною железные и бронзовые гвозди, полусожженные человечьи и лошадиные кости, черепки от простой глиняной посуды и куски разбитого мраморного алабастрида. Более ничего тут не оказалось. После того, не разбирая пока стены, продолжали по ней, следуя к центру уже двухсаженною шириною, – снимать верхнюю часть курганной насыпи, слегка изменив направление вправо, и затем уже приступили к разборке массивного завала. Когда его сняли и вынули землю на протяжении 6 саж. (12.80 м – *М.В.*) до центра, то в северо-западном углу раскопа открылся угол жженого точка, не более 1/3 части оною, где в золе костра тогда же, 18-го сентября, найдена мною ббольшая часть золотых женских украшений, другая же их часть открыта после, когда значительно расширен был прежний раскоп и сделана еще новая приемка (очевидно, прирезка – *М.В.*) до 4 кв. саж. вперед и влево, вследствие чего обнаружен был не только весь сожженный точек, но захвачена была раскопом половина разоренного в центре кургана древнего склепа, в давние времена снаружи расхищенного. [...]. Жженный же точек, мною открытый, расположен неглубоко в материке на ½ арш. Жар обширного костра, по-видимому, был столь высокий, что большая часть золотого ожерелья расплавилась в шарики..., а прочие вещи из оставшихся сильно попорчены огнем, кости же скелета совершенно обратились в пепел». Далее следует подробное описание предметов, найденных при разборке точка [1869, д. 4, л. 28-30]. На нем заканчивается «Журнал» П.И. Хицунова.

Доследование этого участка и всего кургана в следующем году было продолжено А.Е. Люценко [1869, д. 4, л. 17-18]. В своем «Рапорте» он писал об «обнаруженных у самой ограды, с двух сторон кургана, на юго-восточной и юго-западной, на скалистом материке, остатков от двух костров: № 82 и 83». Упомянув о находках обломков «от железных копий и мечей»⁷, он высказал предположение о том, что первый из них «принадлежит сожженному воину», другой представлял собой тризну «в память женщины, гробница которой была открыта в 1869 г.» [1870, д. 23, л. 30].

Э.В. Яковенко, посвятившая этим комплексам специальную работу, трактовала одно из захоронений, от которого сохранились золотые украшения, остатки костяной пиксиды, фрагменты краснофигурной керамики, остатки бронзового зеркала, пастовые вставки от перстней, как «погребение богатой скифянки» и датировала концом V в. до н.э. [Яковенко, 1977, с. 143]. Кремация, в составе которой были обнаружены остатки сожженного коня, меч и копий, исследовательница считала захо-

⁶ Как уже было отмечено Ю.А. Виноградовым, нумерацию обоим сожжениям дал А.Е. Люценко [Виноградов, 2009, 291, прим. 8].

⁷ В описи найденных вещей А.Е. Люценко упоминает «четыре обломка от перегоревших мечей и копий», найденных «в остатках костра № 82, открытого в юго-восточной части означенного кургана на поверхности материка» [1869, д. 23, л. 44].

ронением «верхового воина-слуги, сопровождавшего погребение богатой женщины» [Яковенко, 1977, с. 144]. Однако имеющиеся у нас данные позволяют рассматривать эти объекты как остатки отдельных, не связанных между собой захоронений [Кузнецова, 2002, с. 87-88]. Женский вещевой комплекс, в свете современных датировок, скорее всего правильнее будет относить к несколько более позднему времени, чем то, которое предлагала Э.В. Яковенко. Т.М. Кузнецова датировала «богатое» женское погребение Темир-Горы рубежом V-IV вв. [Кузнецова, 2002, с. 88], а Ю.А. Виноградов – концом V–началом IV вв. до н.э. [Виноградов, 2001, с. 80].

В инвентарь женского захоронения входили греческие художественные изделия (украшения, в том числе изготовленные из золота, расписная посуда), выполненные в лучших традициях античного ремесла классической эпохи. В целом набор вещей, обнаруженных в этом погребении, отличается «высокой степенью эллинизации» и отсутствием в комплексе и обряде захоронения выразительных «собственно скифских» черт. Это позволило Т.М. Кузнецовой усомниться в скифской принадлежности обоих сожжений, так как, по ее мнению, по погребальному обряду они «ближе некрополям античных городов, нежели скифским памятникам» [Кузнецова, 2002, с. 84].

На наш взгляд, наиболее близко отражает историческую реальность точка зрения Ю.А. Виноградова, рассматривающего эти комплексы в ряду аристократических варварских погребений, появляющихся с V в. до н.э. неподалеку от античных центров Боспора, проводивших независимую политику. Эта традиция прослеживается в районе Киммерийского Боспора с первой половины V в. до н.э. (очевидно, со времени ближе к середине столетия. [Виноградов, 2001, с. 82-83]. Среди захоронений этой группы – нимфейские курганы, курган на м. Ак-Бурун (1862 г.), раннее погребение в кургане Куль-Оба и, что представляется наиболее интересным в связи с темой данной работы, – ранний склеп в кургане у с. Баксы. Как полагает Ю.А. Виноградов, этот склеп можно датировать, как и богатое женское погребение Темир-Горы, концом V – началом IV вв. до н.э. [Виноградов, 2001, с. 80]. Среди перечисленных памятников курган у с. Баксы территориально и хронологически наиболее близок кургану на Темир-Горе; оба кургана «тяготеют к району переправ через Керченский пролив, – точнее, к пути на эту переправу, ... месту, овеянному традициями былых легендарных времен, воспоминания о которых, по всей видимости, еще сохранились» [Виноградов, 2001, с. 87].

Погребения в каменных гробницах. Четыре такие гробницы (№ 77–80), содержавшие коллективные захоронения и ограбленные, очевидно, еще в древности, были обнаружены в первый сезон работ на кургане. А.Е. Люценко охарактеризовал их как «небольшие, сложенные из дикарного камня гробницы» [1869, д. 4, л. 44]. При их расчистке был обнаружен краснофигурный лекиф, украшенный изображением сфинкса [1870, д. 69, л. 44], что позволило предположительно отнести эти комплексы к IV в. до н.э. Э.В. Яковенко полагала, что, судя по описанию, гробницы были близки подкурганым скифским склепам Восточного Крыма [Яковенко, 1972, с. 265-266]. Т.М. Кузнецова, напротив, видела в них погребальные памятники, скорее всего

Вахтина М.Ю. Из истории раскопок кургана ...

оставленные греками и соотносившиеся с античным поселением у подножия Темир-Горы, возможно, в то время уже существовавшим [Кузнецова, 2002, с. 88]. Такая трактовка представляется вполне вероятной. Античные погребения в каменных склепах и ящиках известны в это время на Европейском Боспоре. Так, например, неподалеку от Темир-Горы на некрополе античного Порфмия была исследована серия склепов, содержащих повторные захоронения (очевидно, служившие семейными усыпальницами) [Вахтина, Столяренко, 2013]. Древнейший из открытых склепов, напоминающий простой «каменный ящик», вероятно, был сооружен во второй половине IV в. до н.э. [Вахтина, 2013, с. 77].

Склеп (?), открытый близ центра насыпи. Сложенное из камней и оштукатуренное внутри сооружение (№ 76), обнаруженное А.Е. Люценко «близ центра насыпи, на каменных завалах», обычно считают склепом [Яковенко, 1972, с. 261; Кузнецова, 2002, с. 88]. Действительно, каменные, оштукатуренные изнутри склепы были широко распространены в погребальной практике Боспора с I в. до н.э. Однако, возможно, стоит отметить, что сам исследователь был весьма осторожен в интерпретации этого объекта. Он писал о нем как о «довольно большой, четырехугольной, с разобранным верхом постройке № 76 неизвестного назначения, стены которой были сложены из мелких булыжных камней на извести и покрыты с внутренней стороны их по слою штукатурки красною краскою»; сооружение сохранилось на 1 аршин (т.е. чуть менее чем на полметра – М.В.) в высоту [1870, д. 69, л. 29 об.]. В любом случае наличие кладки на известняковом растворе, по всей вероятности, указывает на принадлежность этого комплекса к более позднему времени, чем другие захоронения, открытые на Темир-Горе.

Поселение у подножия кургана

И, наконец, в заключение хотелось бы хотя бы кратко остановиться на результатах раскопок в непосредственной близости от кургана. Выше упоминалось, что в 1869 г. П.И. Хицунов обнаружил к югу от него множество интересных находок и, хотя и не открыл никаких строительных комплексов, предположил, что здесь существовало «древнее поселение, однородное с Пантикапейским» [1869, д. 4, л. 28]. А.Е. Люценко «в пепелище на юго-западной стороне кургана» обнаружил остатки, как он полагал, «укрепления или жилья» [1870, д. 69, л. 31]. Наиболее примечательными из открытых объектов были руины башен и цистерна [л. 30–32].

В 1936 г. В.Ф. Гайдукевич обследовал курган на Темир-Горе и старые раскопы⁸. На основе собственных наблюдений, а также анализа данных рукописного отчета А.Е. Люценко он предложил достаточно достоверную картину обнаруженных на этом участке объектов [Гайдукевич, 1941, с. 47–59]. Исследователь считал, что открытые к юго-западу от кургана остатки не дают основания для вывода о существовании

⁸ Разведка «поселения на Темир-Горе», обследование памятника и сбор подъемного материала были также проведены Боспорской археологической экспедицией ЛОИА под руководством В.Ф. Гайдукевича в 1953 г., однако не привели к каким-либо новым выводам и очень кратко отражены в полевой документации [РО НА ИИМК РАН, ф. 35, 1953, д. 45].

здесь поселения «в широком смысле этого слова», что здесь было «огромное здание площадью около 1815 кв. м» [Гайдукевич, 1941, с. 48, рис. 2]. Скорее всего, открытый комплекс представлял собой большую укрепленную усадьбу, включавшую жилые и хозяйственные помещения. Примечательной особенностью усадьбы он считал «исключительную мощность ее внешних стен, достигавших 2,15-2,50 м в толщину», которые «должны были обеспечивать надежное укрытие в случае возможного набега» [с. 58]. В восточной части комплекса, где А.Е. Люценко зафиксировал «цистерну», В.Ф. Гайдукевич предполагал существование винодельни [с. 52 сл.]. Исследователь также придавал большое значение остаткам башен, о которых упомянул Люценко. Одну из них, возведенную, предположительно, к западу от строения, на склоне возвышенности, он вслед за А.Е. Люценко считал наблюдательным пунктом. В.Ф. Гайдукевич полагал, что наиболее вероятное время существования комплекса – I-II вв. н.э., а прекращение его существования пришлось на вторую половину II – первые десятилетия III вв. н.э. [Гайдукевич, 1941, с. 59].

Даже краткий обзор архивных материалов, повествующих о раскопках такого сложного и интересного памятника, каким, вне всякого сомнения, являлся курган на Темир-Горе, дает представление о нескольких эпохах в древней истории Восточного Крыма и Боспорского государства. Вне всякого сомнения, памятник этот заслуживает и ждет более полной и подробной публикации всех связанных с его изучением материалов – архивных данных и находок, хранящихся в Государственном Эрмитаже.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Амельченко В.М.* Древние клады и сокровища Черноморья. Ростов-на-Дону, 2004. 256 с.
- Вахтина М.Ю.* «Скифский путь» в Прикубанье и некоторые древности Крыма в эпоху архаики // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж, Белгород, 1991. С. 3–11.
- Вахтина М.Ю.* Порфмий в IV в. до н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. Материалы XIV Боспорских чтений. Керчь, 2013. С. 73–80.
- Вахтина М.Ю.* (а) Из истории раскопок кургана на Темир-Горе (по материалам научного архива ИИМК РАН) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Материалы XVII Боспорских чтений. Керчь, 2016. С. 73–82.
- Вахтина М.Ю.* (б) Еще раз об основном погребении в кургане Темир-Гора и одном из путей распространения раннего греческого импорта в Северном Причерноморье // Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время. Материалы Международного «круглого стола». М., 2016. С. 12–18.
- Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А., Rogov E.Я.* Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ, 1980, № 4. С. 155–161.
- Вахтина М.Ю., Столяренко П.Г.* Некрополь Порфмия (по материалам раскопок 2004–2012 гг.) // Культурный слой. Нижний Новгород, 2013, вып. 2. С. 114–145.
- Виноградов Ю.А.* Курганы варварской знати V в. до н.э. в районе Боспора Киммерийского // ВДИ, 2001, № 4. С. 77–87.
- Виноградов Ю.А.* Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского // Императорская археологическая комиссия (1859–1917). СПб., 2009. С. 248–401.
- Гайдукевич В.Ф.* Укрепленная villa rustica на Темир-Горе // СА, 1941, т. VII. С. 45–60.

Вахтина М.Ю. Из истории раскопок кургана ...

- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА, 1949, № 9. 364 с.
- Копейкина Л.В. Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана Темир-Гора // ВДИ, 1972. № 1. С. 147–159.
- Кузнецова Т.М. Загадки Темир-Горы // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. СПб, 2002, ч. II. С. 79–90.
- Лазенкова Л.М. Керченский музей древностей. Исследователи. «Почетный» археолог А.Е. Люценко // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб, 2001, ч. II. С. 287–292.
- Лазенкова Л.М. Керченский музей древностей. Основатели. Исследователи. Керчь, 2003. 76 с.
- ОАК за 1869 г. СПб, 1871. xxii + 256 с.
- ОАК за 1870-1871 гг. СПб, 1874. xliv + 303 с.
- Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Хронология центральной группы могильника Новозаведенное II // Скифы и сарматы в VIII–III вв. до н.э. Палеоэкология, антропология и археология. М., 2000. С. 238–248.
- Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Некоторые итоги исследования раннескифского могильника Новозаведенное II в 1991-2003 гг. // Археологические открытия 1991–2004. Европейская Россия. М., 2009. С. 225–234.
- Ромашко В.А., Скорый С.С., Филимонов Д.Г. Раннескифское погребение в кургане у села Китайгород в Приорелье // РА, 2014, № 4. С. 107–117.
- Рябкова Т.В. Культурные взаимодействия предскифского и раннескифского времени (периода РСК-1) // Ранний железный век Евразии от архаики до рубежа эр. Центры, периферия и модели культурных взаимодействий. СПб, 2015. С. 94–98.
- Савинов Д.Г. Изобразительные памятники раннескифского времени: искусство композиции // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии // Труды САИПИ, вып. 9. М., Кемерово, 2012. С. 35–55.
- Смирнов Н.Ю. Зверь и птица из Темир-Горы // БИ, 2015, вып. XXI. С. 50–59.
- Тункина И.В. Открытие Феодосии. Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771–1871. К., 2001. 237 с.
- Хицунов П.И. Заметки по пути от реки Дона до Пятигорска, с кратким описанием Ставрополя, Пятигорска и окрестных Минеральных Вод // Отечественные записки, 1841, т. XVII, № 7-8, отд. VII. С. 1–17; 49–61.
- Фармаковский Б.В. Милетские вазы из России // Древности. М., 2014, т. XXV. С. 47–61.
- Черненко Е.В. Скифские лучники. К., 1981. 165 с.
- Шелов Д.Б. Танаис. Потерянный и найденный город. М., 1967. 144 с.
- Яковенко Э.В. Курганы на Темир-Горе // СА, 1972, № 3. С. 259–267.
- Яковенко Э.В. (а) Древнейший памятник искусства скифов // СА, 1976. С. 236–239.
- Яковенко Э.В. (б) Предметы звериного стиля в раннескифских памятниках Крыма // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 128–137.
- Яковенко Э.В. Погребение богатой скифянки на Темир-Горе // Скифы и сарматы. К., 1977. С. 140–145.
- Cook J.M., Dupont P. East Greek Pottery. London and New-York, 1998. xxix + 226 pp.
- Kerschner M., Schlotzhauer U. A New Classification System for East Greek Pottery // East & West. 2005, Vol. 4, no. 1. P. 1–56.

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОГО АРХИВА ИИМК РАН

- «Об археологических разысканиях на Таманском полуострове и в Керчи г. Люценко». Ф. 1, д. 41/ 1968.
- «Об увольнении г. Директора Керченского Музея Люценки в 4-х месячный отпуск за границу». Ф. 1, д. 7/1869.
- «О раскопках в Керчи и на Таманском полуострове в 1869 году». Ф. 1, д. 4/1869
- «Об археологических раскопках г. Люценко в окрестностях Керчи и на Таманском полуострове и о случайной находке древностей на этом полуострове в 1870 году». Ф. 1, д. 23/1870.

REFERENCES

- Amelchenko V.M.* Drevnye klady i sokrovischa Chernomorii // Rostov-na-Donu, 2004, 256 p.
- Vakhtina M.Ju.* “Scifskiy put’ v Prikubanie i nekotorye drevnosti Kryma v epokhu arkhaiki // Voprosy istorii i arkheologii Bospora. Voronezh, Belgorod, 1991, pp. 3–11.
- Vakhtina M.Ju.* Porfmyi v IV v. do n.e. // Bospor Kimmeryiskiy I varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekovia. Arkheologicheskyy ob’ekt v kontekste istorii. Materialy XIV Bosporskikh chtenij. Kerch, 2013, pp. 73–80.
- Vakhtina M.Ju.* (a) Iz istorii raskopok kurgana na Temir-Gore (po materialam nauchnogo arkhiva IIMK RAN) // Bospor Kimmerijskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekoviya. Issledovateli I issledovaniya. Materialy XVII Bosporskikh chteniy. Kerch, 2016, pp. 73–82.
- Vakhtina M.Ju.* Escho raz ob osnovnom pogrebenii v kurgane Temir-Gora i odnom iz putei srprostraneniya rannego grecheskogo importa v Severnom Prichernomor’ye // Aziatskiy Bospor i Prikubanie v dorimskoe vremiya. Materialy Mezhdunarodnogo kruglogo stola. M., 2016, pp. 12–18.
- Vakhtina M.Ju., Vinogradov Ju.A., Rogov E.Ja.* Ob odnom iz marshrutov voennykh pokhodov i sezonnykh migratsiy kochevykh skifov // VDI, 1980, n. 4, pp. 155–161.
- Vakhtina M.Ju., Stoljarenko P.G.* Nekropol’ Porfmyia (po materialam raskopok 2004–2012) // Kul’turnyj sloj. Nizhnij Novgorod, 2013, vyp. 2, pp. 114–145.
- Vinogradov Ju.A.* Kurgany varvarskoi znati V v. do n.e. v rayone Bospora Kimmeryiskogo // VDI, 2001, n. 4, pp. 77–87.
- Vinogradov Ju.A.* Imperatorskaya Arkheologicheskaya Komissiya i izuchenie drevnostei Bospora Kimmeryiskogo // Imperatorskaya Arkheologicheskaya Komissiya (1859–1917). SPb, 2009, pp. 248–401.
- Gajdukevich V.F.* Ukreplennaya villa rustica na Temir-Gore // SA, 1941, t. VII, pp. 45–60.
- Kiselev S.V.* Drevnaya istoriya Juzhnoi Sibiri // MIA, 1949, n. 9, 364 p.
- Kopeikina L.V.* Raspisnaya rodosko-ioniyskaya oinokhoya iz kurgana Temir-Gora // VDI, 1972, n. 1, pp. 147–159.
- Kuznetzova T.M.* Zagadki Temir-Gory // Bosporskiy Fenomen: pogrebal’nye pamiyatniki I svyatilischa. SPb, 2002, ch. II, pp. 79–90.
- Lazenkova L.M.* Kerchenskiy Musei Drevnostei. Issledovateli. “Pochetnyi arkheolog A.E. Lutzenko // Bosporskiy Fenomen: kolonizatsiya regiona, formirovanie polisov, obrazovanie gosudarstva. SPb, 2001, ch. II, pp. 287–292.
- Lazenkova L.M.* Kerchenskiy Musei Drevnostei. Ostovateli. Issledovateli. Kerch, 2003. 76 p.
- OAK za 1869 g.* SPb, 1871, xxii + 256 p.
- OAK za 1870–1871 gg.* SPb., 1874. xliv + 303 p.
- Petrenko V.G., Maslov V.E., Kantorovich A.R.* Khronologiya tzentral’noi gruppy mogil’nika “Novozavedennoe II” // Skify I sarmaty v VIII–III vv. do n.e. Paleoekologiya, antropologiya i arkheologiya. M., 2000, pp. 238–248.
- Petrenko V.G., Maslov V.E., Kantorovich A.R.* Nekotorye itogi issledovaniya ranneskifskogo mogil’nika Novozavedennoe II v 1991–2003 gg. // Arkheologicheskie otkrytiya 1991–2004. Evropeyskaya Rossiya. M., 2009, pp. 225–234.
- Romashko V.A., Skoryi S.A., Filimonov L.G.* Ranneskifskoe pogrebenie v kurgane u sela Kitajgorod v Prioreliye // RA, 2014, n. 4, pp. 107–117.
- Riyabkova T.V.* Kul’turnye vzaimodeistviya predskifskogo I ranneskifskogo vremeni (perioda RSK-I) // Rannij zheleznyi vek Evrazii ot arkhaiki do rubezha er. Tzentry, periferiya i modeli kul’turnykh vzaimodeistvij. SPb, 2015, pp. 94–98.
- Savinov D.G.* Izobrazitel’nye pamiyatniki ranneskifskogo vremeni: iskusstvo kompozitsii // Izobrazitel’nye i tekhnologicheskie traditsiyi v iskusstve Severnoi i Tzentral’noi Asii // Trudy SAIPI, vyp. XXI, pp. 50–59.
- Smirnov N.Ju.* Zver’ i ptitsa iz Temir-Gory // BI, 2015, vyp. XXI, pp. 50–59.
- Tunkina I.V.* Otkytie Feodosii. Stranitsy arkheologicheskogo izucheniya Jugo-Vostochnogo Kryma i nachal’nye etapy istorii Feodosijskogo museya drevnostei. 1771–1871. K., 2001, 237 p.
- Khitsunov P.I.* Zametki po puti ot reki Dona do Piyatigorska, s kratkim opisaniem Stavropolya, Piyatigorska

Вахтина М.Ю. Из истории раскопок кургана ...

- i okrestnykh Mineral'nykh Vod // Otechestvennye Zapiski, 1841, t. XVII, n. 7-8, otd. VII, pp. 1-17; 49-61.
- Farmakovskiy B.V.* Miletskie Vazy iz Rossii // Drevnosti. M., 2014, t. XXV, pp. 47-61.
- Chernenko E.V.* Skyfskie luchniki. K., 1981, 165 p.
- Shelov D.B.* Tanais. Poteryannyi i naiydennyi gorod. M., 1967, 144 p.
- Jakovenko E.V.* Kurgan na Temir-Gore // SA, 1972, n. 3, pp. 259-267.
- Jakovenko E.V.* (a). Drevneyshiy pamyatnik iskusstva skifov // SA, 1976, pp. 236-239.
- Jakovenko E.V.* (b). Predmety zverinogo stilya v ranneskifskikh pamiyatnikakh Kryma // Skifo-Sibirskiy zverinyi stil' v iskusstve narodov Evrazii. M., 1976, pp. 128-137.
- Jakovenko E.V.* Pogrebenie bogatoy skifyanki na Temir-Gore // Skify i sarmaty. K., 1977, pp. 140-145.
- Cook J.M., Dupont P.* East Greek Pottery. London and New-York, 1998. xxix + 226 pp.
- Kerschner M., Schlotzhauer U.* A New Classification System for East Greek Pottery // East & West. 2005, Vol. 4, no. 1. P. 1-56.

MATERIALS FROM THE SCIENTIFIC ARCHIVE OF IHMC RAS

- “Ob arkheologicheskikh razyskaniyakh na Tamanskom poluostrove i v Kerchi g. Liytsenko”. F. 1, d. 41/ 1968.
- “Ob uvol'nenii g. Direktora Kerchenskogo Museya Liytsenki v 4-kh mesyachnyi otpusk za granitsu”. F. 1, d. 7/1869.
- “O raskopkakh v Kerchi i na Tamanskom poluostrove v 1869 godu”. F. 1, d. 4/1869
- “Ob arkheologicheskikh raskopkakh g. Liytsenko v okrestnosryakh Kerchi i na Tamanskom poluostrove i o sluchayinoi nakhodke drevnostei na etom poluostrove v 1870 godu”. F. 1, d. 23/1870.

Резюме

В статье предложен обзор материалов, хранящихся в научном архиве ИИМК РАН (Санкт-Петербург) и посвященных раскопкам кургана Темир-Гора на Восточной оконечности Керченского полуострова. Этот памятник был исследован в 1869-1870 гг. П.И. Хицуновым и А.Е. Люценко, бывшим в это время директором Керченского музея древностей. Курган Темир-Гора, сооруженный в третьей четверти VII в. до н.э. и содержащий 8 разновременных захоронений, является важным памятником для изучения истории Боспорского государства и Скифии. Объекты и находки, обнаруженные во время раскопок, а также архивные материалы до сих пор нуждаются в полной и подробной публикации.

Ключевые слова: Восточный Крым, Боспорское государство, скифы, греки, курган Темир-Гора, история исследования.

Summary

The article offers the overview of materials from the Scientific Archive of IHMC RAS (Saint-Petersburg) dealing with the excavations of Temir-Gora burial mound situated on the Eastern extremity of Kerch peninsula. The site was investigated in 1869-1870 by P.I. Khitzunov and A.E. Liyutzenko who was at that time the director of Kerch museum of antiquities. Temir-Gora mound erected in the third quarter of the 7th century BC and contained 8 burials which had been made at different times is an important source for examining the history of Bosporan kingdom and Scythia. The objects and artifacts discovered during the excavations as well as the archive materials still require full and detailed publication.

Keywords: Eastern Crimea, Bosporan kingdom, Scythians, Greeks, Temir-Gora mound, history of excavations.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Вахтина Марина Юрьевна, к.и.н.,
Институт истории материальной культуры РАН,
Отдел истории античной культуры,
старший научный сотрудник.
vakhtina@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina Jurievna Vakhtina, CSc,
Institute for History of Material Culture RAS,
Department of History of Classical Culture,
senior researcher.
vakhtina@rambler.ru

Рис. 1. Курган на Темир-Горе (современный вид).

Вахтина М.Ю. Из истории раскопок кургана ...

Рис. 2. Раскопки кургана на Темир-Горе в 1870 г.
Рисунок Ф.И. Гросса [НА ИИМК РАН, ф. Р I, № 693, л. 7].

Рис. 3. Верхняя часть насыпи кургана со следами старых раскопов (современный вид).

Рис. 5. Комплекс основного погребения кургана.

1 – греческая ойнохоя; 2-7 – детали колчана или горита; 8-9 – украшения в зверином стиле.